

1. Что такое юмор абсурда и каково его место в рассказах В.В. Голявкина?
2. Как раскрывается позиция автора в рассказах В.В. Голявкина? Какова роль названий в них?

8.1.4. Рассказы и повести Ю.И. Ковалы

На тонкой грани лирического и комического повествования находится проза **Юрия Иосифовича Ковалы** (1938 — 1995), одного из самых талантливых писателей детской литературы 1970 — 1980-х годов. У Ковалы не было какой-либо одной формы повествования: он писал остросюжетные повести («Приключения Васи Куролесова», 1971; «Пять похищенных монахов», 1977; «Недопесок», 1975), рассказы («Алый», 1969), лирические миниатюры. Произведения малых жанров писатель часто объединял в циклы («Чистый Дор», 1970; «Листобой», 1972).

«Сюжеты моих книг напрямую связаны с моей биографией», — говорил Коваль, имея в виду автобиографическую канву своих произведений. Но ошутимое присутствие автора в повествовании связано не только с биографическими фактами. Важнее другое: за событийным рядом в произведениях Ковалы всегда есть ряд эмоциональный, отражающий чувства и настроение писателя. Такой субъективно-личностной манере писатель остается верен в произведениях самой разной тематики.

В цикле рассказов «**Чистый Дор**» Коваль ищет ответ на очень непростой вопрос: в чем заключается своеобразие русской национальной жизни? Художественным ответом на него стал рассказ о жизни в маленькой деревушке под названием Чистый Дор (в подобной деревушке, расположенной в вологодской области, писатель действительно прожил около года). Деревня в изображении Ковалы — это модель русского мира, и такое изображение деревни в традициях русской литературы.

Рассказчик в «Чистом Доре» близок к самому автору, писателю и художнику Юрию Ковалю, в то же время он — обычный городской житель. Случайная встреча в лесу с деревенской старушкой открывает ему дорогу в незнакомый мир. В этом мире все кажется чудесным, даже такой обыденный предмет, как топор: «топор блеснул в тени под кустами, как глубинная рыба» (рассказ «По лесной дорожке»). Такое поэтическое сравнение символично — в глу-

нее слово. В рассказе «Никакой горчицы я не ел» прогульщик уверяет, что ему прогуливать урок очень весело:

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой — сразу выгонят. А тут пой сколько душе угодно.

На улице он встречается со многими людьми, но все они заняты делом и иронизируют над бездельником:

— Видишь, вон дом кривой?

— Вижу.

— Пойди подтолкни его с того боку, чтобы он ровный был.

— Как это?

— А так. Тебе ведь нечего делать. Так и подтолкни его.

Весенняя прогулка оборачивается тоскливым ничегонеделанием, а монолог завершается искренним недоумением:

Весна. Солнышко. Воробы в лужах кулаются. Но почему мне так скучно?

Встречается у Голявкина и еще один прием — писатель повторяет за своим героем его слова, но, произнесенные почти дословно, они начинают звучать совершенно иначе, обнаруживая свою ошибочность. Зимой Ника учится плавать, разгуливая по квартире. Зато летом он не торопится лезть в воду:

Еще рано. Нужно еще подучиться зимой. Потренироваться. Дома как-то спокойней. Спешить некуда. Не последнее лето. Будет ведь лето еще!

И писатель подхватывает слова Ники, но доводит их до полной бессмыслицы:

И верно. Будет зима. Потом будет лето. Потом снова будет зима. Потом опять лето...

Что верно, то верно!

Поскольку авторских выводов нет (они иногда только звучат в названиях рассказов), герою приходится самому открывать истину. В рассказе «Пароход и лошадь» герой всем хвалился: «Вот какие замечательные пароходы я могу рисовать». Но когда он увидел нарисованную мальчиком-художником лошадь, то перестал хвалиться пароходами, «потому что так лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!».

Иногда голос героя сливается с голосом самого писателя (вот откуда лирические ноты в абсурдно-комичном повествовании). Голявкин хорошо знал не только труд писателя, но и мастерство художника (часто сам иллюстрировал свои книги), страстно любил музыку и занимался боксом, так что природа творчества и мастерства была ему хорошо знакома.